МУДРОСТЬ ВЕКОВ

ИГОРЬ ГАРИН

ФИЛОСОФИЯ

FOLIO

УДК 140.8+101
Г20

Серия «Большой научный проект»
основана в 2018 году

Художник-оформитель
Е. В. Вдовиченко

В оформлении обложки использован
«Портрет Дени Дидро» работы Луи-Мишеля ван Лоо. 1767 г.

Гарин И. И.

Г20 Мудрость веков. Философия / Игорь Гарин; худож.-оформитель Е. В. Вдовиченко. — Харьков: Фолио, 2020. — 957 с. — (Большой науч. проект).

ISBN 978-966-03-8087-5 (Большой науч. проект).

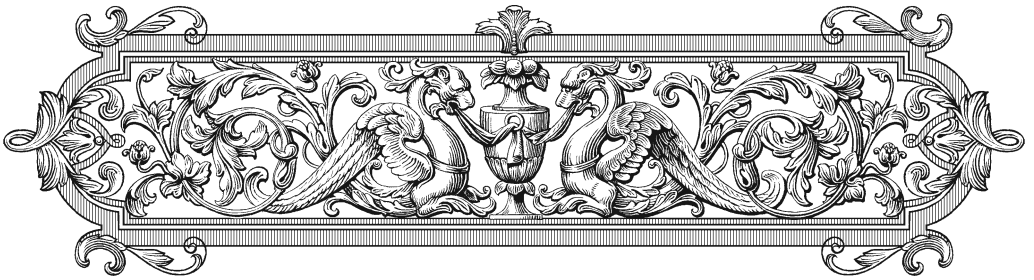
ISBN 978-966-03-8881-9.

Книга включает фрагменты монографии И. И. Гарина «Что такое философия и что такое истина» и основы философских учений мыслителей эпохи Просвещения («От Бэкона до Руссо»), а также — Паскаля, Юма, Беркли, Канта, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Киркегора, Ницше, Бергсона, Джемса, Гуссерля, Хайдеггера, Ясперса, Витгенштейна, представителей экзистенциальной и аналитической философии. Автор рассматривает философию не как отвлеченную игру чистых понятий или совокупность знаний о мире, а как форму любви к жизни, преобразующей нравственный облик человека, как форму духовного существования — прямой ответ жизни на зов Бытия. Глубочайшие философские мысли и идеи должны стать всеобщим достоянием, ибо прочны они только тогда, когда восприняты. Пребывать в философии, слышать зовы Бытия, приобщаться к сущему отнюдь не означает обрести последнюю или окончательную истину, ибо, по словам Аристотеля, «Сущее-Бытие выходит к свету многими путями». Изначально «любовь к мудрости» совпадала с любовью к жизни, преобразовывала психический облик человека, становилась формой существования — прямым ответом жизни на зов Бытия.

УДК 140.8+101

ISBN 978-966-03-8087-5
(Большой науч. проект)
ISBN 978-966-03-8881-9

© И. И. Гарин, 2020
© Е. В. Вдовиченко, художественное оформление, 2020
© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? 5
Зов Бытия 5
«Ничья земля» 35
Пребывание в пути 42
Философия — поэзия, музыка, миф... 59

ОТ БЭКОНА ДО РУССО 78
Что такое Просвещение? 78
Почти апология 88
Апология разума? 91
Человек 99
Легисломания 102
Лорд Веруламский 107
Макиавелли из Мальмсбери 125
Левиафан 131
Родившийся на лугу 136
Cogito ergo sum 140
Правила для руководства умом 147
Апостол ереси 154
На краю экумены, или «Здравствуй, Спиноза!» 167
Theissimus 181
Самый искренний лжец 188
Дорогой ребенок, которого никто не хотел 203
Сластолюбивый киник XVIII века 205
Смесь из сентиментальности и катара мочевого пузыря 209
Первородная доброта, или назад к природе 212
Contract social 216
Руссо и де Сад 225
Сын ножовщика из Лангра 232
Философ горы 236
Сократ, поучающий королей 240
Время 243

ПАСКАЛЬ 250
Надо ненавидеть себя? 253
Человековедение 254
Он искал, стеная 260
Надо поглупеть? 264
Наследство 268

БЕРКЛИ 273

ЮМ 290

КАНТ 298
Солнечное сплетение философии 298
Сын шорника из Кёнигсберга 305
Коперник философии 316
Теория познания 333
Об антиномиях, или был ли Кант диалектиком? 347
Ding an sich selbst, или phenomena и noumena 350
Этика 357
Эстетика 369
От телеологии к теологии 374
Политология 377
Педагогика 380
Zurück zu Kant! 383
Искуситель 390
Время 399

ШЕЛЛИНГ 408
Подвижник из Леонберга 408
Учение о бытии 410
От философии природы к теософии 412
Реальность как диалектическая тотальность 417
От тождества и свободы к философии религии 419
Интуиция 426
Искусство 428
Тропы в грядущее 429
Время 432

ГЕГЕЛЬ 434
Пророк, предсказывающий назад 434
Гегель и конец философии 451
Теодицея 455
Система 456
Мистика диалектика, или софистика гегелевского типа 460

История философии 469
Политология 474
Отчуждение 478
Параллельно 482
Два слова о религии 487
Искусство как воплощение идеи 487
О гносеологии 490
Время 498

ШОПЕНГАУЭР 500
Кто и откуда? 500
Предтечи 503
Быть — значит желать 505
Этика 515
Как обуздать волю? 520
Философия как эстетика 522
Смерть как исцеление 525
Наследники 528
Время 532
Приложение 533

КИРКЕГОР 541
Путь к Киркегору 541
Несчастнейший 552
Захолустный гений, или утрата иллюзий 556
Критика современной эпохи 561
Что значит быть? 568
Что есть истина? 575
Tels quels 578
Время 582
Приложения 585

НИЦШЕ 619
Переоценка всех ценностей 619
Философия жизни, человека, культуры 628
Воля к могуществу 642
Вечное возвращение 649
«Жизнь — средство познания» 655
Дон Жуан познания 680

БЕРГСОН 698
Интеллект и интуиция 698
«Материя и память» 716
«Творческая эволюция» 718

«Два источника морали и религии» 722
Длительность и время 729

ПРАГМАТИЗМ 741

ДЖЕМС 757

ГУССЕРЛЬ 770
Приложение 794

ХАЙДЕГГЕР 801
Бытие и Ничто 801
Sein и Dasein 806
Человек и земля 815
Язык 829
Время как горизонт бытия и время как бытийность заботы 840
Приложения 847

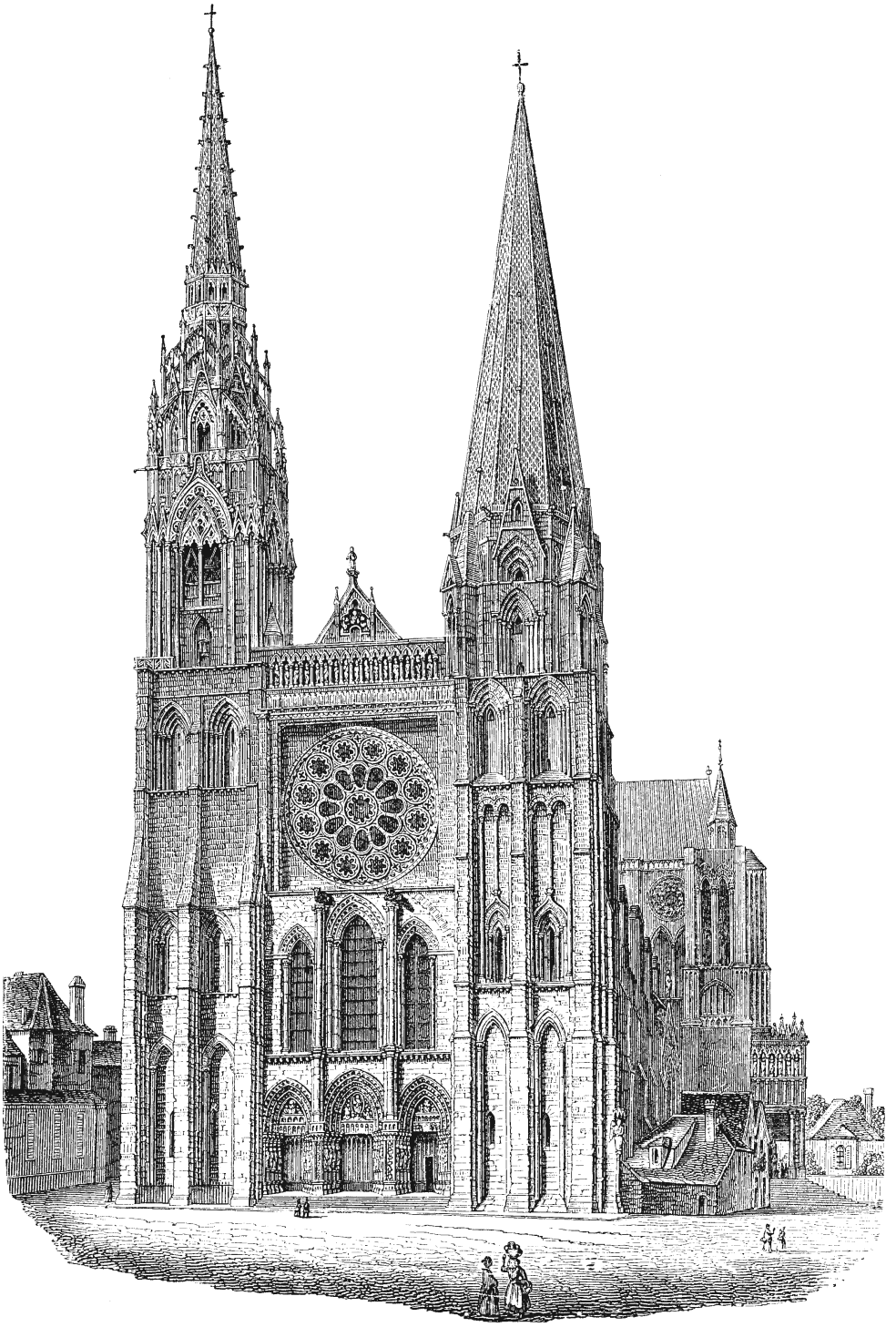
ЯСПЕРС 877
Die Geistige Situation der Zeit 877
Massendaseinsordnung 880
Я выбираю, следовательно, я существую 883
Экзистенция и трансценденция 886
Пограничные ситуации 891
Gehaüse 892
«Осевая эпоха» и историчность 893
Время 897

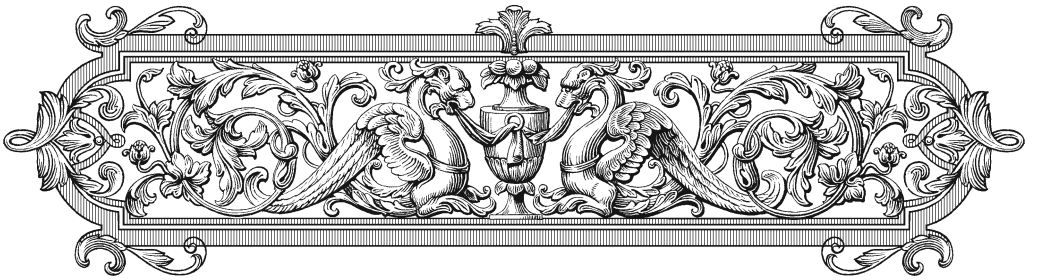
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ 899

ВИТТЕНШТЕЙН 926

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ 937

ФИЛОСОФИЯ

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

ЗОВ БЫТИЯ

> Все наше достоинство — в способности мыслить... Постараемся мыслить достойно.
>
> *Б. Паскаль*

> Требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему «что это такое — философия?».
>
> *М. Хайдеггер*

Пытаясь ответить на вопрос «что есть философия?», М. Хайдеггер, отождествлявший свою избранницу с процессом или путем, в качестве главного императива востребовал не разглагольствования о философии (пребывая вне ее), но — вхождения в нее: «...войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею...». Понять философию это, прежде всего, двигаться внутри нее, а не вне ее и не вокруг.

Что значит пребывать в философии, двигаться внутри нее, обосноваться в ней? Это значит быть открытым Бытию, слышать зов Бытия, уметь настроиться на мелодию Бытия, быть способным охватить сущее взором, понять аристотелевы «первые основания и причины». Ведь, по словам С. С. Хоружего, философия начинается с Начала. С темы Начала: начала как такового, начала сущего, начала (начинания) философской мысли и речи...

Сам термин «философия» греческого происхождения. Он является производным от пущенного в ход, видимо, Гераклитом прилагательного «φιλόσοφος», выражающего стремление к σοφόν, сущему в Бытии. Философия — стремление к сущему, путь к Бытию сущего, поиск соответствия Бытию сущего.

> Соответствие бытию сущего и есть философия, однако же тогда, и только тогда, когда это соответствие осуществляется, а тем самым раскрывается и расширяет свое раскрытие. Это соответствие осуществляется по-разному, в зависимости от того, как говорит зов Бытия, услышан ли он или нет, высказывается ли услышанное или замалчивается.

Изначально философия не была отвлеченной игрой чистых понятий или совокупностью знаний о мире. Для даоса, буддиста, пифагорейца, киника, францисканца, «любовь к мудрости» совпадала с любовью к жизни, преобразовывала психический облик человека, становилась формой существования — прямым ответом жизни на зов Бытия. Досократики, еще не освоившие понятийное мышление, еще не изобретшие дихотомию «субъект — объект», не отделяли мышление от существования и логос от мифоса.

Возможно, это преувеличение, будто для древних философствование было способом существования, но отношение древнегреческих философов к открывшейся им интеллектуальной мудрости представляется мне более трепетным, страстным, вовлеченным, нежели современных «профессионалов». Досократики первыми ощутили философию как высвобождение духа — отсюда их религиозное почтение к мудрости.

Среди афоризмов Ю. А. Шредера нахожу: «Философия — это странная вера в то, что знание фундаментальных свойств реальности небезразлично для личного существования». Мне представляется, что именно античные схолархи впервые приобщились к этой страстной вере сознательно и вдохновенно.

Глубочайшие философские мысли, писал Карл Ясперс в *Великих философах*, должны стать всеобщим достоянием, ибо прочны они только тогда, когда восприняты. Философия необходима для того, чтобы облегчить человеку поиск ответов на насущные вопросы бытия.

Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек? Можно ли определить мудрость? Чему и кому она служит? Мудрость — знание или вера? Какова ее природа? Есть ли предел человеческому знанию? Что есть истина? Учит ли философия жить?..

Кто, у истока став, познал первопричину?
Кто, магом и царем сойдя в сию пучину,
Всех тайн хранит ключи?
О, призраки людей, несчастием согбенных!
Кто произнес: «Творец, нам хватит солнц-вселенных.
Довольно. Опочий!».

Философии нельзя обучиться. Ибо где же она? Кто ею обладает и какие черты ей свойственны? Как отличить профессионала от харизматического мудреца? Чем великие философы отличаются от малых сих? Можно ли одной философией опровергнуть другую? Надо ли вообще опровергать? Действительно ли философия только демагогия для избранных? Правда ли, мир — это мяч, отданный на забаву философам?

Крупнейший философ нашего времени М. Хайдеггер считал, что не следует переоценивать философию, перегружать ее требованиями: «Что нужно в нынешней мировой нужде: меньше философии, а больше внимания к мысли; меньше литературы, а больше заботы о букве». А может быть, больше заботы о человеке?..

Действительно ли философом является каждый человек, задумывающийся о смысле собственного существования? Правда ли, что профессиональный философ отличается от дилетанта только языком и манерой? — «Профессиональный философ выражает и эксплицирует особого рода состояния, которые поддаются пересказу лишь на философском языке. Иначе они остаются той самой ласточкой Мандельштама, которая вернулась в чертог теней, не найдя себя».

При иерархической структуре мудрости не следует пренебрегать «малостями» — для кого-то они огромные внутренние миры.

Сегодня философию лучше называть полисофией, для которой субъекты не менее важны, чем объекты, которые она изучает. Философия широка и обильна, простираясь от самого грубого сенсуализма до самой смелой мистики. Не следует обужать философию. Наобужались...

В конце концов, количество высказанных идей не столь велико, чтобы отвергать какую-либо из них. Опровергать метафизические идеи неосмотрительно и опасно: слишком часто несогласие с другими — свидетельство собственной ограниченности. Большинству вообще опасно открывать рот... Читатель, знай — каждый раз, когда я выражаю несогласие с кем-то, во мне проявляется авторитарность, коей, увы, вскормлен.

Пребывать в философии, слышать зов Бытия, приобщаться к сущему отнюдь не означает обрести последнюю или окончательную истину. Во-первых, никакой разум не может быть очищен от веры, страсти, пафоса, сомнения, амбиций. Во-вторых, процесс, *путь* — бесконечны, сам *путь* оказывается многими путями, как отмечал еще Стагирит: «Сущее-Бытие выходит к свету многими путями».

И у Платона, и у Аристотеля мы обнаруживаем главными истоками философствования — удивление, пафос, волнение чувств, настрой: «Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования» (Аристотель). Здесь «удивление» носит оттенок не столько «любопытства», сколько настроенности и расположенности: философия — настроенность на раскрытие Бытия сущего, «тот настрой, в каком греческим философам было дано соответствие Бытию сущего», и то звучание, которое делает слышимой вещность вещи.

М. Хайдеггер:

> Мы пытаемся вслушиваться в голос Бытия. В какой настрой приводит он сегодняшнее мышление? На этот вопрос едва ли можно ответить однозначно. Вероятно, какой-то основной настрой сегодня господствует. Однако пока он остается для нас сокрытым. Это следует считать признаком того, что сегодняшнее мышление еще не нашло своего единственного пути. Мы наблюдаем лишь разного рода настрои мышления. Сомнение и отчаяние, с одной стороны, и слепая одержимость непроверенными принципами, с другой, противостоят друг другу. Опасение и страх перемешаны с надеждой и уверенностью. Зачастую мы думаем, что мышление, имеющее характер рассуждающе-

го представления и исчисления, совершенно свободно от всякого настроя. Но и холодность расчета, и прозаическая трезвость плана суть приметы некоей настроенности. И не только; даже разум, стремящийся быть свободным от всякого влияния страстей, настроен, будучи разумом, на уверенность в логико-математической постижимости своих принципов и правил.

Именно принятое на себя и проводимое нами соответствие, которое отвечает на зов Бытия сущего, и есть философия. Мы узнаем и знаем, что такое философия, лишь когда испытываем как, каким образом (auf welche Weise) философия существует. Она существует в мелодии (in der Weise) соответствия, настраивающегося на голос Бытия сущего.

Каждый писатель, свидетельствует Г. Маркес, пишет только одну книгу, хотя она и выходит во многих томах и под разными названиями. Каждый философ раскрывает свой настрой, содержание своего сознания, демонстрирует склад своего ума. Любая философия связана со структурой сознания и личностью ее творца. Здесь не случайны звуковые реминисценции: в бесконечно разнообразном мире каждый «свидетель истины», подобно камертону, отзывается на тот тон, который звучит в нем самом. Каждый танцует под другой барабан. Не случайно праздник танца назывался в Греции theoria.

Философия, в значительной мере, есть склад ума, внутреннее «обустройство» сознания, нередко — продукт мифологии конкретного мозга. Экстремизм, фанатизм, истерический цинизм, радикализм, нарциссизм — плоды интеллектуальной и эмоциональной неразвитости, «распрямленности» извилин, зашоренности, узости взгляда на мир, духовной слепоты. Слоттердайк в Критике циничного разума предостерегал от истерического отношения к миру и людям, сжигающего человека изнутри. Необходимо бережно обходиться с миром и человеком, оберегаться от глухоты и душевной коррозии, ориентироваться на естественность, ответственность, человечность, полноценно жить внутренней и внешней жизнью.

К. Ясперс главными началами философии считал удивление, сомнение и осознание потерянности человеческого существования. Удивление опосредствует незнание, преодолевает чувство самодостаточности, пробуждает надежду на обретение скрытой истины, побуждает ее поиск. Сомнение дает возможность осознать условность и негарантированность добытого знания. Посредством критики авторитета оно разрушает зыбкое и сомнительное, ищет новые основания более достоверному.

Однако удивляющийся и сомневающийся человек, несмотря на всю радикальность своего сомнения, может тем не менее быть занят лишь миром вещей и их отношений и, следовательно, быть отвлеченным от своей собственной экзистенциальной ситуации. Лишь обратив внимание на последнюю, человек, по Ясперсу, осознает всю глубину собственной незащищенности и потерянности. Императивом в этом случае становится одно: «Ни на что в мире нельзя положиться». Человек беспомощен перед лицом природных стихий. Та безопасность, которую удалось обрести ему в результате долгого развития цивилизации, есть лишь иллюзия защищенности. Человек все

так же смертен, подвержен болезням, опасностям, случайностям, как и многие тысячи лет назад.

Объединение людей в общества, союзы для совместного решения жизненных проблем создало новые угрозы. Человек оказывается беспомощным и перед лицом социальных катаклизмов: войн, революций, восстаний, групповой борьбы. Никакое государство, никакой общественный институт, никакая идеология не могут дать человеку гарантированной защищенности. Жизнь неумолимо ставит человека в *предельные ситуации* (термин ясперсовской философии) — смерть, страдание, борьба, вина — в которых человек осознает свою беспомощность перед загадочным Целым жизни. Вопрошание, рождающееся из этой беспомощности, и есть, по Ясперсу, третий — вместе с удивлением и сомнением — источник философствования. Ясперс полностью принимает формулу стоика Эпиктета: «Начало философии — это опыт нашей собственной слабости и бессилия». В предельных ситуациях человек беспомощно ищет, за что схватиться, в чем обрести опору, ищет прежде всего ту *идею,* которая помогла бы выйти из безвыходного положения. И отчаяние самим фактом своего появления в мире, подчеркивает Ясперс, свидетельствует о том, что находится вне мира. Человек хочет быть спасенным. Философия не может дать этого спасения, однако «философствовать — это всегда побеждать мир, это нечто аналогичное спасению», — пишет Ясперс.

Философия — всегда свидетельство единичного сознания и в силу одного этого не имеет права покушаться на сознание другого. Внутренний мир человека, субъективность, личностное начало — такая же, если не большая, реальность, чем мир внешний. Никому не дано испытать *мои* любовь, боль, радость. Никто не может увидеть мир *моими* глазами или попробовать яблоко за *меня*... Убеждение всегда персонально и нет большей опасности, чем «единый строй» или «нерушимое единство». Духовное насилие — самый страшный вид принуждения, ведущий к зомбированию и деградации масс.

Философия — не собрание готовых истин, не кодекс императивных требований, не то, во что нужно верить, но — вечное движение, свободное творчество жизни, «философский труд, существующий в единстве с жизнью человека».

Божественное происхождение человека, его статус «чувствилища» Бога, его неотрывность от божественного, символизируемая Христом, дает основание для фантастической, с первого взгляда, гипотезы о соавторстве человека в миротворении. Я хочу сказать, что эволюция знания — не просто углубление нашего понимания мира, но — внимание! — в известной степени — миротворение. Парадигмальные мудрецы *не открывают* новые срезы бытия, но *творят их*! Я хочу сказать, что не все заложено в мире изначально, но — постепенно *вкладывается* в него *нами*! Когда мы обретем смелость посягнуть на время, тогда откроется возможность путешествовать в нем. Когда нам хватит сил стать сверхчеловеками, это свершится. Я не верю в бессмертие, в ужас бессмертия, но и продолжительность жизни — в наших руках: когда мы дадим себе категорическое предписание жить дольше и качественнее — да будет!

Философия — открытие новых миров, путь в неизвестное, куда еще не ступала нога человека.

Цель философии — сделать человека свободным гражданином мира, научить его мыслить личностно и человечно одновременно, философия и есть выражение духовной свободы, освобождение от внешнего насилия, внутренняя опора. Философия — форма персонального беспокойства.

Сознание человека должно быть свободным и открытым. Необходимо постоянно обогащать сознание, воспроизводить духовность, быть готовым к новизне, «безумным идеям», пролиферации идей. Важно только не становиться рабом собственных химер, не попадать в плен маниям или утопиям.

Философия — потребность сознания в самовыражении, «беседа души с самой собой» (Платон). Раскрытие сознания и есть единственная философская реальность: глубина, ясность и перспективность самовыражения. Это — не отрицание объективной реальности, а утверждение ее, ибо что может быть содержательней и реальней, нежели исходная точка жизнедеятельности — сознание человека?

Философия — панорама человеческой души, так напоминающая природные стихии.

Философия — это уход в себя, самообнажение, по словам Ортеги, подведение счетов с самим собой, причем с той «ужасающей обнаженностью», которую человек может позволить себе только лишь наедине с собой.

Эволюция, восхождение философии — это движение от племенного к человеческому, от «мы» к «я», от массового к личному, от космоса вне нас к космосу внутри нас.

Философия — стиль мышления, движение души. Философия — движение в сознании, его ритм, мысль мысли.

> Кант говорил: самое трудное — это движение в сознании, отличая тем самым последнее, в частности, от выполнения ритуала. Люди, писал он, могут выполнять ритуал, но не делать при этом самого главного — совершать движение души.

Понять, как функционирует человеческий ум, что́ движет человеческое сознание, почему в разных сознаниях возникают несовместимые идеи, может быть, самое трудное для земного человека. Ясно лишь одно: обилие философий — разнообразие сознаний и человеческих обстоятельств.

Мыслить — это изобретать понятия, смыслы, знаки мысли. По словам П. Флоренского, философия — это «имяславие», мысли, получившие собственное имя.

> Итак, *термин,* в разъясненном смысле слова, есть граница, которою мышление самоопределяется, а потому и самосознается. Способ установки этого

рубежа определяет и способ самопознания мысли, т. е. сознание того акта, той деятельности, которою ставится эта граница. Останавливая свою безбрежную кипучесть, мысль тем самым осознает себя как останавливающую, т. е. обретает в своем потоке нечто твердое, нечто неподвижное; но неподвижное это — не внешне ей, а есть ее же собственная деятельность, подвижная неподвижность ее же собственного акта, живое усилие и силовое напряжение. В могуче напряженном и как бы из стали отлитом мускуле совершаются мельчайшие вибрации, которыми и обнаруживается жизненность мускульного усилия. Когда мы стоим, то непрерывно падаем, — то в одну сторону, то в другую. И напряженный мускул, и стоящий человек действуют, усиливаются, живут. Так и *термин.* Недвижно стоящий пред мыслию, он на самом деле есть живое усилие мысли, *наибольшее* обнаружение ее напряженности. Можно согласиться с тем, что термин есть граница мысли, которую она сама себе устанавливает.

Мыслить — «оживлять» термины, давать все более глубокие имена, более точные значения, графемы, непрерывно наращивать смысл, потенциальную энергию мысли, «прясть и дальше всю нить жизни-мысли и притом так, чтобы нить делалась все мощнее».

Обилие философий — в различии смыслов, вкладываемых в одни и те же основополагающие понятия: истину, ценность, цель, причину, противоречие и т. п.

Так, люди считают «положение о противоречии» вневременно значимым «первопринципом» («аксиомой»), не задумываясь над тем, что это положение для метафизики Аристотеля имеет принципиально иное содержание, играя в ней иную роль, чем для Лейбница, и обладает опять же одной истинностью в метафизике Гегеля и другой — в метафизике Ницше.

Н. А. Бердяев видел в истории философии историю самосознания, и, развивая мысль, писал: «Философия есть самосознание человеком его царственной и творческой роли в космосе».

Человеческое сознание в основе своей есть самосознание. Даже осознание человеком вещей или *других* личностно: представление всегда соотнесено с представляющим «Я».

Любое определение философии есть разновидность догматизма; философия или неопределима, или — незамкнутая совокупность всех определений. Философия — обилие, общение и конкуренция философий, предполагающая возможность дополнения и обновления.

Подобно тому, как нельзя однозначно определить философию, невозможно и создать единую философскую систему, как это пытались делать философы прошлого. Если такое «единство» существует, то проявляется оно в том, что, говоря свое персональное слово, свое главное слово, каждый философ всегда говорит об одном и том же — о «бытии сущего», «о присутствующем в его присутствии». Чем дальше пытается уйти говорящий от бытийного, тем глубже он погружается в него.

Даже философы-аналитики признают, что значение философии нельзя оценивать исключительно по ее истинности: «истина — не единственное достоинство, которым может обладать метафизика». Я бы выразился сильнее: любителям истины лучше не обращаться к философии. Правда, я не могу им посоветовать, куда им обращаться. Метафизика может иметь красоту, вселять веру, давать цель. Скажем, достоинством философии Плотина является ее красота, сравнимая с завершающими строфами дантовского Р а я:

Время от времени сделанные им описания вечного мира славы
Несут нашей измученной душе
Ту безмятежную песнь чистой совести,
Которую я пою перед сапфирно-синим троном
Тому, кто на нем восседает.

Философия может иметь и другое значение; она хорошо выражает то, чему люди в определенном настроении или при определенных обстоятельствах склонны поверить.

Чувства, которые чаще встречаются в музыке и поэзии, очеловечивают и философию, без них мудрость становится пресной и привлекательной лишь для людей определенного «сухого» темперамента, к коим я явно не принадлежу.

Философия неотрывна от сознания, но что может быть сложней его? Сознание человека, в котором разворачивается, проигрывается, идеологизируется, мифологизируется мир, — самая непостижимая сущность Бытия. Ответить на вопрос, почему мы думаем, что думаем *правильно*, практически невозможно. То, что происходит *внутри* нашего сознания, нам менее всего доступно.

Наше мышление всегда есть оперирование нами нашим же собственным мышлением. И оно всегда принципиально иное, чем то, чем мы оперируем. Или можно сказать так: есть Бытие и есть способ бытия, и это в принципе разные вещи.

Почему мы уверены, что думаем правильно? — Потому что наше мышление оперирует с самим собой. Потому что «правильность» собственного сознания — тебе принадлежащее и тобою вспаханное поле. Способ бытия и Бытие — не просто разные вещи: философствуя, мы как бы присваиваем себе, делаем своей собственностью такую малость, как Бытие...

Философствование есть дешифровка результатов нашего мышления в такой же или даже большей степени, чем зеркальное отражение срезов мира. Но поскольку происходящее в мышлении мышлению менее всего доступно, наши думы представляются нам высшими истинами. Вот почему высокую цену имеют не истины, а сомнения в них. Я бы усилил эту мысль: качество и производительность мышления — не в производстве мыслей, а в трезвой самооценке.

Сущность сознания человека по своей сложности подстать Бытию. Автоматизм сознательных актов, слабое трение движения мысли создают иллюзию простоты, но

вряд ли в мире есть нечто сравнимое по сложности с «потоком сознания», с тем, что за ним стоит.

Философия — плод сознания, самого сложного, неопределенного, плюрального, синкретического результата эволюции. История мысли — это бесконечные попытки «обузить» сознание, втиснуть его в прокрустово ложе диалектики, логики, той или иной системы. Даже соглашаясь с тем, что сознание имеет свою структуру, порядок, подчиняется определенным правилам функционирования, я категорически отвергаю однозначность, внутреннюю непротиворечивость, «логичность» сознательных актов.

К философии применима модифицированная теорема Гёделя, суть которой прекрасно выражена Д. Локком: невозможно создать философию одновременно и правдоподобную и внутренне последовательную.

С легкой руки Канта философия начала исследовать эйдосы функционирования сознания. Виндельбанд определил ее как дисциплину о нормальном сознании.

Философ — гражданин мира. Это значит — умеющий мыслить. Первые два правила мышления Канта сводятся именно к этому: мыслить самому и уметь смотреть на мыслимое глазами другого (это и значит быть гражданином мира).

Цель философии — озвучивание сознания, «высказывание вслух того, от чего отказаться нельзя». Философия — жизнь сознания в понятиях и идеях, язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания. К ней вполне применимо то, что Пруст говорил о поэзии: поэзия — чувство собственного существования.

Философия — сознание вслух, ритм мышления, путь мысли, пролегающий через личные испытания философа, благодаря которым мы обретаем незаменимый личностный опыт (М. Мамардашвили). Философия — то, что впечатляет, заставляет чувствовать глубже, испытывать радость или страдание. Философия — дантовы странствия души, собрание символов сознательной жизни. Философия — драма идей.

Философия как сгущенная мысль, как живое вещество сознания.

Философия как изначальная данность сознания, как индивидуальное его поле, как обращенность сознания на самое себя (рефлексия).

Философия как внутренняя потребность философствования, как реакция человеческого сознания на «звонкость Бытия».

Философия как высшее выражение свободы мышления, «равнодалекой как от раболепия, так и от распущенности».

Философия как самоорганизация мысли, как целостность мышления.

Философия как взор души.

Думается, адекватно определить предмет философии нельзя без обращения к представлению о рефлексии. Рефлексия есть обращенность сознания на самое себя. В рефлексии сознание полагает самое себя в качестве предмета. Рефлексия, ориентированная на познание всеобщих форм и предпосылок

человеческой деятельности, становится философией. Философию поэтому можно рассматривать как культивированную, целенаправленную рефлексию. В русле философии рефлексия конституируется как устойчивая, воспроизводящаяся форма духовности и познания. Сам вопрос, который в марксистской традиции принято считать основным вопросом философии, не имеет смысла и не может возникнуть вне рефлексивной позиции.

Философия — продукт «темного ящика» сознания; его механизмы, природа, причина нам не известны. Трудности взаимопонимания естественны, потому что у каждого свой «ящик». Производство мысли человеческой — величайшее таинство и, возможно, убедительный аргумент в пользу бытия Бога.

Философия, полагал Х. Ортега-и-Гассетт, суть бесстрашное погружение в то, что каждый считает своей жизнью и что на деле оказывается только ее оболочкой: «пробив ее, мы попадаем в подземные глубины нашего бытия, остающиеся для нас тайной просто потому, что они находятся внутри нас, потому, что они — наша суть».

Философия — продукт мышления, сущность которого — одна из «первых сущностей». Самое сложное в природе — понять причину идей. Если бы явления являли свои сущности и причины, не было бы ни науки, ни философии, ни искусства: бери и смотри. Сущности и причины являет не Бытие, а целостная мысль о нем. Гениальность — это способность к целостному мышлению. Все видят Землю, Солнце, небо, свет, движение, но то, что оказывается увиденным как эйдос, энтелехия, закон всемирного тяготения, небесная механика, частица-волна, является в виде мысли в голове единственного человека. И эта мысль отнюдь не зеркальное отражение, а глубинная мысленная структура мысленной целостности.

Люди не способны не только попробовать яблоко за другого, но и мыслить как другой. Даже повторение хода мысли Ньютона или Канта — это уже *мое* сознание, а не их, *другое* мыслительное «яблоко».

Любая философская система создается, прежде всего, как средство самозащиты. Если так, то каковы критерии истинности подлинной держательницы разума — философии? Как, философствуя, не стать рабом собственных химер? Можно ли думать *правильно*? Существуют ли правила для ума?

Вообще говоря, мы не знаем, почему мы знаем, почему мы способны знать. «Вещь сама по себе» — не только формула вечной темноты, но и констатация непостижимости процесса уяснения (просветления), возможности постичь, не постигая пути к постижению. Внеразумное вразумление — это именно то, что Декарт называл «врожденными идеями», а Кант «чистыми созерцаниями»: «...мы можем понять что-то в мире в терминах причины только тогда, когда понятие причины у нас уже *есть*».

Философствование в неявной форме всегда содержит элемент до-знания, предсуществования в сознании точек опоры, вех, ориентиров, причин, первоэлементов упорядочения — всего того, что *определяет* движение мысли.

> Значит, это всегда взаимоотношение с иным, к которому мы не можем непрерывным образом перейти продолжением своих собственных сил.

Самое опасное — отождествление мышления и бытия, оно чревато тоталитарностью мысли. Человек хочет понять Бытие, но не высказывает его, творит свою версию, свою музыку мысли. Сознание — это ритмы мышления о Бытии, и главное правило мышления — не забивать своей музыкой мелодий иных. Самое страшное — философские марши для солдатского строя...

Философия развивает способность взглянуть со стороны на самое мышление, возвращает мысль к Бытию как началу мысли и как к бесконечности — мысли и Бытия.

> Нет философии без философствования. Но нельзя философствовать, не со-философствуя, не держа в себе, по слову С. Н. Трубецкого, собор со всеми другими, кто философствовал, кто по-своему разрешал ту же мучительную мысль человеческого существования. К этому началу, к изначальному изумлению сходятся различнейшие пути философской мысли, и здесь надо искать вразумительных оснований ее расхождений. В этом же начале коренится расхождение философской озадаченности и нефилософской уверенности, расхождение *софии-философии* и *софии-метафизики* или, попросту, *философии* и *теософии*.

Философия, или «конкретный идеализм» — это органическое слияние истины и добра, знания и веры. Н. А. Бердяев равно отвергал отвлеченный рационализм, субъективистский утилитаризм, уравнительную справедливость, общественное добро и прочие умственные химеры, считая главной особенностью русской философии примирение знания и веры: «Конкретный идеализм мог бы стать основой нашего национального философского творчества и мог бы создать национальную философскую традицию». Увы, национальной традицией был и остался философский нигилизм...

Философия — размышление о возможности помыслить *начало* бытия.

Философия — культура мышления о бытии, форма размышления о начале бытия.

Философия — культура всеобщего взаимопредполагания *мысли* и *бытия*.

Философия — *теория*, *избывающая* себя изнутри, доводящая себя до своего преодоления.

Философия — развитая культура способности мыслить.

Философия — мышление всеобщего.

Философия — верознание эпохи.

Философия — современная ей эпоха, постигнутая в мышлении.

Философия представляет собой многообразие описаний виртуальных миров, оригинальность и смелость решений, широкий полет фантазии в такого рода миротворчестве. Поскольку мир — важнейший объект философского мышления, ценность философии состоит в мощи и глубине нового описания-творения. Бог — творец мира, человек — соавтор. Мыслителю дан потенциал мироискательства, мифо-

строительства, посредством человека выражается бесконечность Творца. Миров столько, сколько описаний и в этом смысле можно говорить о «сущностной несопоставимости» идей. Плюрализм миротворчества в сочетании с иерархией возможных решений — вот что такое история философии.

Философия — школа мысли, упорядоченность сознания, самодисциплина ума. Чем больше философов в обществе, тем оно развитей и свободней. Надо учить людей не только профессиональным навыкам, но и способности мыслить широко и открыто.

Важна мыслительная традиция. Чтобы жить цивилизованной жизнью, надо создать духовную сферу независимой мысли.

Хорошо, если в своей жизни все большее число людей будет способно выполнять акты сознательной жизни — мыслить.

Главное внутреннее отличие тоталитарного общества от общества либерально-демократического — безмыслие, неумение и нежелание большинства мыслить персонально. Преодолеть тоталитаризм можно не отказом от идеологических структур, а приобщением к свободному мышлению. Это-то наиболее трудно! Главная трудность — отделение плодотворных фикций от мыслительных оков.

Мыслительная деятельность изобилует допущениями, чья беспочвенность, даже абсурдность, вполне осознается. Однако фикции оказываются вполне продуктивными, и в практической жизни часто следует вести себя так, «как если бы» мы верили в эти фикции. Ведь философия как созерцание-воображение и как имагинация смыслообраза всегда чуть-чуть Als ob — «якобы Бытие». Файхингер в философии «как если бы» выявил ценность фикций в культуре, в значительной мере строящейся не из реалий, а из интуиций, значительно более глубоких, чем видимые данности. Отказ от фикций — утрата, быть может, самого ценного в мышлении. В здании философии, искусстве духовного зодчества нет «правильных» и «неправильных» элементов — есть гениальные и бездарные.

Философия — передача «огня Бытия», эстафета дисциплинированной мысли, подвижничество философского труда. Но философия — и парадоксы сознания, и амбивалентность мысли, и абсурд существования...

> Всякий, кто глубоко занимается сознанием, входит в сферу парадоксальности, к которой невозможно привыкнуть.

Философия не должна стремиться к однозначности и не должна страшиться противоречий: «Противоречивость есть один из признаков приближения к последней истине, ибо она свидетельствует, что человек утратил страх перед обычными критериями» (Л. Шестов).

Этим объясняется характерная черта всей философии — ее парадоксальность. Вся философия — парадокс, она расходится с нашими естественными представле-

ниями о жизни, потому что подвергает теоретическому сомнению даже самые очевидные, бесспорные в обычной жизни верования.

Да, философия парадоксальна. Если мысль изреченная есть ложь, то наиболее отталкивающей ложью являются выспренные, возвышенные суждения об истине, разуме, добре, красоте. Философия должна быть страстной и пристрастной, ибо это и есть критерии человеческой подлинности. Философия Киркегора, Достоевского, Ницше или Кафки подлиннее систематически связанной, дискурсивной философии, ибо в ней больше души.

Парадоксальность философии, помимо прочего, в том, что она вынуждена описывать абсурд и трансценденцию существования в понятийно-логической форме. Экзистенциалисты разрешают эту проблему, избегая дискурсивности и системности, предпочитая вопросы ответам и утверждениям, переживания — истинам, полноту жизни — ее порядку.

Л. Шестов:

> Философы стремятся объяснить мир, чтоб все стало видным, прозрачным, чтоб в жизни ничего не было или было бы как можно меньше проблематического и таинственного. Не следовало ли бы, наоборот, стремиться показывать, что даже там, где все людям представляется ясным и понятным, все необычайно загадочно и таинственно? Самим освобождаться и других освобождать от власти понятий, своей определенностью убивающих тайну. Ведь истоки, начала, корни бытия — не в том, что обнаружено, а в том, что скрыто: Deus est Deus absconditum (Бог есть скрытый Бог).

Парадоксальность философии в том, что философское знание воистину добывается из «ничто»: под ногами у философа нет прочного основания, твердой устойчивой почвы, свидетельствует Х. Ортега-и-Гассетт.

> Он заранее отвергает любую надежность, испытывает абсолютную опасность, приносит в жертву свою чистосердечную веру, убивает в себе живого человека, чтобы, преобразившись, возродиться как чистый разум. Он может, как Франциск Ассизский, сказать: «Я нуждаюсь в малом, и в этом малом я нуждаюсь очень мало».

Начиная философствовать, человек даже не знает, разрешима ли поставленная им проблема, проницаема ли она для мысли, до какой степени то, что мы мыслим, совпадает с тем, о чем мы мыслим, является ли само мышление плодом бытия или структура бытия происходит из структуры самого мышления.

Философия сущностно утопична: сводка неосуществимых проектов. Добро, равенство, свобода, истина — векторы из никуда в ничто. Идея добра несовместима с жизнью, пожирающей жизнь и живущей смертью. Равенство противоречит иерархии, необходимой для эволюции. Свобода противоречит рождению и смерти, не говоря о жизни.

Философия — симбиоз правды и лжи, иерархия истинности-абсурда, волюнтаризм слова, претендующего на высшую власть — над духом *другого*.

В философии важно не «познание мира», а глубина интерпретации. Важна не полнота и завершенность описания, но «историчность», внутренняя способность к саморазвитию: «Всякая философия должна строиться таким образом, чтобы она оставляла место для неизвестной философии».

Философствование — это постоянное движение, духовное изменение, обновление, углубление. Нельзя философствовать, думая как вчера, нельзя жить старыми ценностями. Переоценка всех ценностей — величайший вклад Ницше в историю духа. Разные поколения, сосуществующие в одном времени, — это разные мировоззрения, разные духовные состояния. Величайший грех «учителей» — принуждать учеников думать как они. Учить философии — учить умению мыслить самостоятельно, находить новые перспективы, углублять философское видение. Философствование — это преодоление, открытие новых миров, прорыв к новым срезам бытия. Остановка — духовная смерть. Динозавры в философии опасны тем, что, погибая, тянут с собой других.

> Есть люди, до старости сохраняющие неистощимую пластичность, неиссякаемую юность, благодаря чему они способны обновляться дважды или даже трижды в жизни. Обычно такие люди играют роль предвестников, и новое поколение угадывает в них старших братьев, пришедших слишком рано.

Искусство философствования, как и искусство жизни, состоит в умении сохранять молодость, остроту впечатлений, восприимчивость, любовь к неизведанному, способность отречься от общепринятого. Философствование — восстание против авторитетов, против послушной покорности судьбе, против сложившейся массовой веры. Философствование — движение к новым мирам, осознание неокончательности и бесконечности этого процесса, терпимость, воля к новизне. Надо быть Дон Жуанами познания.

Философствовать — значит быть в пути, верить, сомневаться, рефлексировать, умирать, воскресать, обретать и терять истину.

> ...Философия — тревога и беспокойство, назойливое вопрошание, нарушающее спокойную ясность знания, недоверие как раз к самому неприкосновенному (именно потому, что оно неприкосновенно), сомнение во всем на свете, скепсис, критицизм. «Идея об Истине живет во мне, как «огнь поядаяй», — пишет всерьез испытавший этот огнь П. Флоренский. — ...Ведь именно это огненное упование на Истину, именно оно плавит своим черным пламенем гремучего газа всякую условную истину, всякое недостоверное положение». И сколькие, ощущая опасность этого «пирронистического» пламени, в котором сгорают все опоры и лежанки человеческого духа, предпочитают какую-никакую, а твердую истину, не видя в ее твердости никакой опасности.

А. Швейцер считал философию предводителем и стражем разума, базисом идеалов, лежащих в основе культуры. Э. Гуссерль, наоборот, полагал, что философия как аподиктически строгая наука — отоснившийся сон.

Философия — инструмент свободного самораскрытия духа, огромная целина идеализма, парадоксальным образом увеличивающаяся по мере вспашки. Цель философии — не решать проблемы, но открывать горизонты, готовить почву для новых цветов мудрости.

М. Хайдеггер не случайно уподоблял метафизику труду земледельца, принятию земли, разговору или молчанию пожилого крестьянина. Метафорически философия и есть земля духа, укорененность, оседлость, соблюдение традиций, бытийственность. Философия — прокладывание борозд, глубокая вспашка, освоение целинных земель, присоединение новых пространств. Хайдеггер подчеркивал хтонически-архаические черты философии: подлинность наследуемого, глубину корней, иерархию, целостность, органичность, авторитет.

Цель философии — не движение в будущее, но реализация древнейшего и мудрейшего, прокладка дорог, удобрение, культивирование, тяжкий труд — все то, что противостоит «утрате бытия» и человеческому распаду.

Философия — антиутопия, отказавшаяся от рассуждений о грядущем. Хайдеггер никогда не употреблял это слово, ибо считал философию чем угодно — землей, вопрошанием, зовом Бытия, самопознанием, благой вестью, театром языка, — но не указанием пути. Историчность абсурдна, грядущее непредсказуемо, ибо мы не имеем права отбирать свободу грядущих поколений, думать за них, обворовывать их историю и культуру.

Как и любовь, философия всегда в состоянии рождения, то, что есть сейчас. Философия — вечное становление, а не ставшее, вечное обновление, вечное переосознание. Каждое поколение историков переписывает историю, каждое поколение философов переосмысливает Бытие, которое, кстати, само по себе — не то, что было или будет, но то, что есть сейчас.

М. К. Мамардашвили:

> Философию можно определить и так: философия есть такое мышление о предметах, любых (это могут быть предметы физической науки, проблемы нравственности, эстетики, социальные проблемы и т. п.), когда они рассматриваются под углом зрения конечной цели истории и мироздания... Конечный смысл мироздания или конечный смысл истории является частью человеческого предназначения. А человеческое предназначение есть следующее: исполниться в качестве Человека. Стать Человеком.
>
> Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье — это символ, соотнесенно с которым человек исполняется в качестве Человека. Сейчас я поясню, что значит этот символ, поскольку в этой сложной фразе я ввел в определение человеческого предназначения метафизический оттенок, то есть какое-то

> сверхопытное представление, в данном случае — Бога. Но на самом деле я говорю о простой вещи. А именно: человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отображении самого символа «образа и подобия Божьего». То есть Человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме.

Философия — способность человека раздвигать границы своего существования, быть плодотворным.

Философия — вечное движение жизненного разума, исследование того, как жизнь может выйти за свои пределы, свободный выбор жизнью из многих возможностей.

Невозможно и опасно жить заимствованной философией, искать истин у Гегеля или Маркса, не пытаясь продумывать их самостоятельно.

Философия — придание смысла существующему, смыслообразование, переосмысление, «причем целью подобного переосмысления является не обнаружение иных смыслообразований, а постоянное пребывание на пределе».

> Философия — это жест в направлении смысла самого смысла, жест в сторону чего-то неслыханно, несводимо внешнего (известно одно: смысл неспособен абсорбировать в себе реальность, существование, он не представляет собой здравомысловое самоконституирование сущности реального).
>
> Таков «смысл» всех основных «тем» современной философии независимо от того, идет ли речь о «бытии», о «языке», о «другом», о «сингулярности», о «письме», о «мимезисе», о «множественностях», о «событии», о «теле», а также о многом другом. Во всех этих вовсе не всегда совместимых между собой формах речь здесь идет о том, что можно, прибегая к лексике традиционных философских доктрин, назвать реализмом неприсваиваемой истины. Что вовсе не является синонимом «отсутствующей истины».

Философия — особая форма духовной деятельности, поиска персональной истины, свободной от практических целей, соображений пользы и выгоды.

> Она не может ни бороться, ни доказывать себя, а способна лишь сообщаться людям. Она не оказывает никакого сопротивления, когда ее отвергают, не торжествует, когда оказывается услышанной.

Опасна та философия или та герменевтика, которая стремиться сохранить за собой последнее слово.

Философия как вид деятельности бесконечно многообразна: от рутинного перелопачивания материальных частностей до аристократизма «быть и никогда

не объяснять», от мелочного утилитаризма Фурье до башен из слоновой кости де Виньи.

Философия когда-то была занятием по существу не джентльменским. Такие аристократы, как Картезий или Рассел, которые занимались философией, приводили в замешательство свои семейства.

Оправдывать, ставить под сомнение, основываться на уме — это, попросту говоря, неаристократично. Веймарский Громовержец, знаток снобизма, отнюдь не враждебно настроенный к нему, заметил где-то, что знатность заключается в том, чтобы быть, а не знать или делать. Философия же всегда была неблагородной попыткой обосновать, оправдать или подтвердить *бытие знанием*.

Новое Время породило мировоззрение, согласно которому нет надобности в доказательствах или оправданиях для фундаментальных убеждений. Брэдли определил метафизику как отыскивание плохих оснований тому, во что мы верим инстинктивно, — высокий образец аристократизма духа, умноженный на глубину постижения сущности мудрости и любви.

Итак, — что значит понять философа? Может ли философия быть представлена как «учение», «теория» или даже «мировоззрение»? «Полагал» ли что-либо Платон? «Считал» ли что-либо Декарт? «Утверждал» ли что-либо Кант? О философии ли написаны «истории философии»? С философией ли знакомят нас Куно Фишер, Василий Зеньковский и прочие авторы доксографий? Можем ли мы «изложить» философскую систему П. Флоренского и, критически, как говорится, усвоив ее, пойти дальше, как бы положив ее в карман? Можем ли мы понять, о чем идет речь, спор, скандал, если сами не втянемся в него, сами не заболеем вопросами, имевшими, видно, жизненно важное значение для Н. Федорова и Ф. Достоевского, Н. Бугаева и П. Флоренского, С. Булгакова и Е. Трубецкого?

Схватить суть философского дела — значит быть захваченным им. Лишь так — изнутри — имеем мы возможность понять и иную философию: в сотрудничестве, софилософствовании, то есть втягиваясь в общую тяжбу о... О чем?

Разумеется, философы и «полагают», и «считают», и «утверждают», и строят всеобъемлющие мировоззренческие системы, без внимательного штудирования которых просто не о чем говорить. Но учения эти суть *философские* учения постольку, поскольку они учат тому, что составляет их собственное начало — не временное, а принципиальное, — а именно, *фундаментальному изумлению*. В философской системе раскрывается, обретает логически отчетливую членораздельность, становится не необходимым и всеобщим то изумление, которое изначально таится в существе человека как человека. Оно изначально таится в существе, но только ум, развернутый до предела, знает об этом пределе и умеет изумляться. Этим изумлением он и касается того, что не есть он. Здесь начало и корень разумения, где все отдельные силы — рассудок, чувство, воля — «сливаются в одно живое и цельное зрение ума».